

**МОНГОЛЬСКИЙ ЯЗЫК И МОНГОЛО-ТЮРКСКИЕ
ЛЕКСИЧЕСКИЕ СВЯЗИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIII в.
(по языковым материалам Киракоса Гандзакеци)**

Сочинение армянского историка XIII в. Киракоса Гандзакеци «История Армении», в котором среди прочего имеется довольно подробное описание жизненного уклада и быта монголов, а также список монгольских слов, равно как и сами фрагменты этого труда и его языковой материал, давно и хорошо известны монголооведам. Список монгольских слов из труда Киракоса постоянно фигурирует в перечнях наиболее ранних источников по истории монгольских языков, а сам материал этого списка был подробно проанализирован в известной работе Л. Лигети [Ligeti 1965], которая полностью сохраняет свою ценность и значимость для изучения монгольской лексики по источникам XII–XV вв.

Статья Л. Лигети, посвященная монгольской лексике у Киракоса, настолько основательна и фундаментальна, что, казалось бы, к сказанному в ней практически невозможно что-либо добавить. Тем не менее, мы считаем полезным и необходимым вернуться к этому интересному источнику по истории монголов и монгольского языка с тем, чтобы попытаться взглянуть на факты монгольских языков, засвидетельствованные в армянском источнике, с точки зрения современной алтаистики как науки о наиболее ранних этапах истории монгольских языков, осмыслить еще раз проблему взаимодействия тюркских и монгольских языков в их

фактических проявлениях в виде лексических заимствований и в социолингвистическом аспекте и в какой-то степени продолжить исследование этого материала, предложив свое понимание языковых фактов данного источника, которые остаются без объяснения или напрашиваются на какие-то альтернативные или дополнительные комментарии.

Вот что писал Киракос Гандзакеци о языке монголов в главе 32 своего труда «История Армении» [1976]:

«Язык их дик и непонятен /274/ нам, ибо бога они называют тангри, человека — эрэ, аран, женщину — эме, апджи, отца называют эчка, мать — ака, брата — ага, сестру — акатчи, голову — тирон, глаза — нигун, уши — чикин, бороду — сахал, лицо — йюз, ниур, рот — аман, зуб — схур, сидун, хлеб — отмак, быка — окар, корову — унэн, барана — гойна, ягненка — гурган, козу — иман, лошадь — мори, мула — лоса, верблюда — таман, собаку — нохай, волка — чина, медведя — айтку, лису — хонкан, зайца — таблга, тула, курицу — тахеа, голубя — кокучин, орла — буркуигуш, воду — усун, вино /275/ — тарасун, море — наур-тангыз, реку — моран-улансу, меч — иолту, лук — ному, стрелу — сыму, царя — мелик, патрона — ноин, великого патрона — екка ноин, страну — эл, иркан, небо — гога, солнце — наран, луну — сара, звезды — сарга, хутут, свет — отур, ночь — сойни, писца — битикчи, сатану — барахур, элэп и тому подобные варварские названия, которые в течение многих лет были нам неизвестны, а теперь поневоле стали известны¹.

Подавляющее большинство слов языка монголов в записи Киракоса — явно и без сомнений монгольские. В отдельных случаях это те слова, которые присутствуют и в монгольских и в тюркских языках, так что их формы по существу невозможно различить и

¹ К этому тексту имеется следующее примечание (17), которое стоит воспроизвести полностью: «17. «Все то, что сообщает Киракос о монголах, имеет чрезвычайно важное значение для монголоведения, и в первую очередь с точки зрения истории монгольского языка XIII в.», — говорит известный советский ученый проф. Г. Д. Санжеев (см.: К. А. Мелик-Оганджян. Предисловие, с. 87). По просьбе К. А. Мелик-Оганджяна приводимые Киракосом монгольские слова проверены Г. Д. Санжеевым, местами уточнены, так что нами приводится этот проверенный и исправленный перечень».

крайне трудно определить, из какого языка и в какой язык эти слова были заимствованы. В настоящей работе мы попробуем рассмотреть монгольские слова, приведенные Киракосом, по следующим группам: 1) монгольские слова; 2) тюркские слова; 3) тюрко-монгольские слова; 4) монгольские слова, имеющие тюркские эквиваленты-синонимы; 5) тюркские слова, имеющие монгольские эквиваленты-синонимы.

Рассмотрим эти пять групп примеров последовательно.

1. Монгольские слова:

Человека <называют> — эрэ, аран, отца называют эчка, мать — ака, брата — ага, сестру — акатчи, голову — тирон, глаза — нигун, уши — чикин, рот — аман, зуб — схур, сидун, быка — окар, корову — унэн, барана — гойна, ягненка — гурган, козу — иман, лошадь — мори, мула — лоса, верблюда — таман, собаку — нохай, волка — чина, медведя — айтку, лису — хонкан, голубя — кокучин, воду — усун, вино /275/ — тарасун, меч — иолту, лук — ному, стрелу — сыму, патрона — ноин, великого патрона — екка ноин, небо — гога, солнце — наран, луну — сара, звезды — сарга, хутут [174] свет — отур, ночь — сойни.

Всего 36 слов.

Монгольские слова в записи Киракоса не составляют особых проблем в исторической лексикологии монгольских языков. Они интересны в основном как факт документации определенного варианта монгольского языка XIII в. Можно отметить только то, что название медведя — по Киракосу *айтку* — не обязательно должно сопоставляться с мо. *ötökö*, которое является табуированным вторичным наименованием медведя, оно может сопоставляться и с общетюрк. *adig ‘медведь’ в какой-то очень архаической форме.

Параллели к этому слову, как мы полагаем, есть в тунгусо-маньчжурских языках: ср. негидальск. гојзима, ‘медведь тибетский’, ороцк. гоизима, нан. гойдики мафа, гойдима ‘гималайский медведь’ [ССТМЯ 1975–1977: 158a], которое мы считаем возможным сравнивать с тюркским названием медведя даже на общеалтайском уровне. Любопытно также слово *отур* ‘свет’, возможно. Являющееся сильно преобразованным в монголо-тюркских ко-

ординатах в сторону тюркского состояния монгольского слова *ogturgai* 'вселенная'. Непонятное название «зуба» *схур*, как мы полагаем, представляет собой какую-то форму — возможно даже форму орудного падежа — от монгольского *sojuga* 'клык'. Относительно слова *сарга*, являющегося, согласно Киракосу, названием звезды, можно полагать, что оно является названием какой-то определенной звезды или какого-то созвездия. На предпочтительность последнего решения указывает то, что общемонгольское наименование звезды у Киракоса оформлено показателем множественности -т (п.-мо. -d), то есть неясное слово *сарга* как-то соотносится — возможно, по количественным свойствам обозначаемого объекта — со словоформой множественного числа.

Слово «голова», записанное Киракосом, Л. Лигети в указанной выше статье соотносит с п.-монг. *terigün*, что возражений не вызывает, однако же соматические значения у данного слова не являются ни доминирующими, ни первичными, ни даже древними. Скорее всего, в данной словарной фиксации как-то проявляется семантическая дисперсия тюркского слова *baş* 'голова', которое может в отдельных языках даже терять свое первичное анатомическое значение, как это имеет место в гагаузском языке.

Любопытно, что для названия головы у Киракоса приведено слово *terigün*, не являющееся общемонгольским названием головы, и это слово выглядит как калька тюркской лексемы *baş* 'голова' в несоматическом, непредметном значении. Если это так (а мы имеем основания думать именно так), то перед нами интересный пример калькирования тюркских слов в монгольских языках [Остожьева 1990].

Из числа слов, сохраняющих среднемонгольский начальный согласный *х*-, отметим, что он присутствует в названии «звезды» *хутут* (форма множественного числа) и «лисы» *хонкан*, но оказывается утраченным в названии «быка» *окар* (ср. эвен. диал. *хөкэн* 'корова', эвенк. диал. *хукур*), и, как можно думать, в слове «вода» — *усун*. Вероятно, процесс утраты среднемонгольского *х*-, восходящего к общеалтайскому **р*'-, в монгольских языках сопровождался междиалектным взаимодействием и диалектным сме-

шением, результатом чего стала непоследовательность рефлексов этого общемонгольского и общеалтайского согласного, отмечающаяся в дагурском и монгорском языках в современном состоянии и, возможно, имевшая место на разных синхронных срезах в древности [Бурыкин 2003]. Впрочем, тут нельзя исключать и то, что рефлексы общеалтайского *p' (хорошо известного уже более 100 лет — собственно, едва ли не с закона Рамстедта–Пелльо, характеризующего указывающие на данный архетип соответствия, с материальной стороны нетривиальные по качеству корреспондирующих согласных и с исторической стороны имеющие документированную памятниками перспективу — и должна вести свой отсчет алтаистика как компаративистическая дисциплина) здесь смешиваются с рефлексами общеалтайского *p. Укажем, что и рефлексы этого согласного по группам языков, и сами примеры на этот согласный еще с надлежащей достоверностью не выявлены [Старостин 1991].

2. Тюркские слова:

хлеб — отмак, царь — мелик.

Всего 2 слова.

Тюркские лексемы, то есть слова, характерные только для тюркских языков, в противоположность рассмотренной выше группе собственно монгольских слов, в списке Киракоса представлены только двумя лексическими единицами, из которых одно — мелик — заимствовано из арабского языка.

3. Тюрко-монгольские слова:

бога они называют тангри, бороду — сахал, курицу — тахеа, писца — битикчи.

Всего 4 слова.

Тюрко-монгольские слова, то есть слова, которые характерны в равной мере для монгольских и для тюркских языков, в списке Киракоса отличаются тем, что не имеют ни синонимов, ни разноязычных дублетов. Они представлены четырьмя примерами, из которых три — «бог», «борода», «писец» — являются тюркскими заимствованиями в монгольских языках, причем слово битикчи 'писец' представлено в записях Киракоса явно в тюркском обли-

ке, то есть без палатализации $t > c$ перед гласным i . Что касается слова «курица», то оно зафиксировано в монгольской форме, а его параллели — тюрк. *taqiq* и корейск. *так* (в графике *талк*, ср. *талгыал* ‘куриное яйцо’) — указывают на возможный общеалтайский характер данной лексической единицы.

К рассмотрению лексемы *tengri*, встречающейся в одном и том же значении в тюркских («небо», «бог», «божество» [ДС 1969: 544а]) и монгольских языках, мы можем добавить, что, по нашему мнению, эта лексическая единица имеет тюркское происхождение. На это указывает не только внешняя форма слова — глухой начальный согласный и узкий гласный в ауслaute, но и возможность этимологизации этого слова на тюркском материале. Вероятнее всего, слово *tängri* восходит к тюркскому *teng* + *eŋi* ‘владыка неба’, ср. др.-тюрк. *tengäk* ‘воздух, небо’ [ДС 1969: 552а], осложненное суффиксом отыменных существительных *-aq* /*-ek*, в большинстве образований десемантизованном. О том, что конечный гласный в этом слове может восходить к притяжательному суффиксу, говорит якутское *тангара* ‘бог’, где, как и в притяжательных суффиксах 3 лица, наблюдается соответствие тюрк. *-ы* ~ якут. *-а*.

4. Монгольские и тюркские слова:

женщину <они называют> — эме, апджи, орла — буркуигуш, море — наур-тангыз, реку — моран-улансу, сатану — баракхур, элэп.

Всего 5 слов.

В списке Киракоса мы находим 5 пар слов, где присутствуют монгольские и тюркские слова, причем монгольские слова стоят на первом месте, а тюркские — на втором. При этом ряд тюркских слов присутствует здесь в несвойственных им значениях: тюрк. *ebci* — это не ‘женщина’, а ‘жена’, ‘женщина’ [ДС 1969: 162а], ... оно, как можно полагать, образовано от *eb* ‘дом’, а тюрк. *alip* все не ‘сатана’, а ‘меткий стрелок’, ‘герой, богатырь, витязь’ [ДС 1969: 36аб].

5. Тюркские и монгольские слова:

лицо <они называют> — йюз, ниур, зайца — таблга, тула, страну — эл, иркан.

Всего 3 слова.

В материалах Киракоса имеется всего 3 пары слов, где присутствуют монгольские и тюркские слова и где тюркские лексемы стоят на первом месте, а монгольские — на втором. Возможно, что мо. *niγuγ* ‘лицо’ является старым тюркским заимствованием (генетическим аналогом тюркской лексемы является т.-ма. *дэ:рэ* ‘лицо’ и п.-мо. *dürsün*, монг. *дүрс(эн)* ‘форма, вид, внешность’).

Форма для обозначения зайца, зафиксированная Киракосом, необычна для тюркских языков тем, что она имеет согласный -l- на месте согласного -š- других тюркских языков (ср. др.-тюрк. *tabišuγan* ‘заяц’ [ДС 1969: 526a] — по нашему мнению, основанному на том, что ротацизм, как и ламбдаизм, не существует как фонологическое явление ни для общеалтайского, ни даже для тюркского состояния, формы с -l- являются морфологическими вариантами для слов с согласными s, š, c [Бурыкин 2005]). Эта же форма явственно напоминает п.-мо. *tuulai* ‘заяц’, зафиксированную Киракосом.

Какие выводы о характере монголо-тюркских языковых связей можно сделать, анализируя монгольский материал, записанный в XIII в. Киракосом Гандзакеци?

В монгольском языковом континууме, во всяком случае, в той языковой среде, которая была доступна для наблюдения армянскому историку, использовался монгольский язык, сохраняющий некоторые фонетические архаизмы. Тюркское влияние на монгольский язык в этот период прослеживается как имеющее место в двух формах, из которых первая — это тюркские заимствования, являющиеся следствием ранних тюрко-монгольских лексических связей, выразившихся в проникновении некоторых групп тюркских лексем в монгольский язык и впоследствии сохранившихся практически во всех языках, возможно, за исключением языков Внутренней Монголии (дагурского, баоаньского, монгорского, дунсянского и т. д.). Вторая форма влияния тюркских языков на монгольские языки периода XIII–XV вв. — это тюркские заимствования в монгольском языковом материале, в словарях и текстах, являющиеся следствием локального или индивидуального билингвизма и не подтверждаемые данными сколько-нибудь за-

метного массива письменных памятников или данными современных монгольского, бурятского и калмыцкого языков. Напомним, что монгольская часть словаря «Мукаддимат аль-Адаб» [Поппе 1938; Бадгаев 2011] содержит заметное количество тюркских слов, проникновение которых в монгольские языки последующих формаций не отмечается и которые не фиксируются как заимствования иными источниками этого же времени и последующих периодов. То, что Киракос для ряда понятий приводит как монгольские, так и тюркские слова, свидетельствует не только о том, что оба языка — как монгольский, так и тюркский — использовались в этот период в определенных социумах как средство межэтнического общения, но и о том, что с обоими названными языками именно как со средством общения для разных этнических сред были знакомы представители других этносов, в частности, представители армянской интеллигенции, которые смогли в своих трудах донести до нас сведения о языковой ситуации у монголов в XIII в.

СОКРАЩЕНИЯ

Др.-тюрк. — древне-тюркский, корейск. — корейский, мо. — монгольский, нан. — нанайский, негидальск. — негидальский, общетюрк. — общетюркский, ороцк. — ороцкий, п.-мо. — письменно-монгольский, т.-ма. — тунгусо-маньчжурский, тюрк. — тюркский, эвенк. диал. — эвенкийский диалектный, эвен. диал. — эвенский диалектный, якут. — якутский.

Литература

Бадгаев Н. Б. О некоторых особенностях системы вокализма и консонантизма среднемонгольского языка: к проблеме унаследованного и приобретенного (на материале словаря «Мукаддимат ал-адаб») // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2011. № 1. С. 103–109.

Бурыкин А. А. Об одной группе исключений из закона Рамстедта–Пелльо в монгольских языках // Сравнительно-историческое исследование языков: состояние и перспективы. Тезисы докладов Междунар. науч. конф. (Москва, 22–24 января 2003 г.). М., 2003. С. 31–33.

Бурыкин А. А. Тюркские согласные *z, *ʃ, *ð в свете алтаистики: новые интерпретации // Алтайские языки и восточная филология. Памяти Э. Р. Тенишева. М.: Восточная литература, 2005. С. 96–106.

Древнетюркский словарь. (ДС) Л.: Наука, 1969. 678 с.

Киракос Гандзакечи. История Армении. М.: Наука, 1976. С. 271–274, лл.172–174. [электронный ресурс] // URL: www.armenianhouse.org; URL: www.drevlit.ru (дата обращения: 14.09.2013).

Мелик-Оганджян К. А. Предисловие // Киракос Гандзакечи. История Армении. М., 1976.

Остожьева Е. А. Названия головы в монгольских языках // 8-я конференция молодых ученых ЛО Института языкознания АН СССР (17–19 апреля 1990 г.). Тезисы докладов. Л., 1990. С. 79–80.

Поппе Н. Н. Монгольский словарь Мукаддимат Ал-Адаб. Часть I–II. М., Ленинград: Изд-во АН СССР. 1938. 452 с.

Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков (ССТМЯ). Т. I, II. Л., 1975, 1977.

Старостин С. А. Алтайская проблема и происхождение японского языка. М.: Наука, 1991. 190 с.

Ligeti L. La lexique mongol de Kirakos //Acta Orientalia. 1965. Vol. 18, fasc. 3. P. 241–297.